

Нукита Сатарев

Детство

Рассказы

Никита Сатарев
Детство. Рассказы

«Издательские решения»

Сатарев Н.

Детство. Рассказы / Н. Сатарев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836360-3

Простые истории, которые могли происходить с каждым из нас в то время, когда все свободное время мы проводили на улице, а будущее казалось светлым, увлекательным.

ISBN 978-5-44-836360-3

© Сатарев Н.
© Издательские решения

Содержание

Побег	6
Опята или любовь на мусорке	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Детство
Рассказы
Никита Сатарев

© Никита Сатарев, 2017

ISBN 978-5-4483-6360-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Побег

Я терпеть не мог ходить в детские ясли, как, впрочем, после и в садик, и в школу. В ясли меня отдали в 9 месяцев, сразу, как только я начал ходить. Кто, спрашивается, заставил меня так рано пойти?! Валялся бы себе преспокойненько дома, жуя кашу, которую, к слову, я тоже терпеть не мог, окруженный заботой и вниманием родственников. Судя по рассказам близких, малышом я был вредным. Ночами я отчего-то практически не спал, превращая это время для своих родных в пытку, закатывая еженощные концерты. Со мной нянчились по очереди, смеяняя друг друга на посту. Одной очередной, отнюдь не прекрасной ночью, когда отец заступил в караул, не выдержав моего сольфеджио, он сказал мне в раздраженной форме «Ну, что ты все орешь да орешь? Чего тебе не спится-то?! Сейчас в унитазе тебя утоплю, если не замолчишь!» На мое счастье, угрозу услышала бабушка, отправила папу спать и заступила на дежурство от греха подальше. А так, кто знает, пришлось бы, может, в младенчестве сгинуть в фекальных водах канализации, если бы не она!

Как я уже упоминал, в ясли меня отправили в 9 месяцев. Родителям нужно было продолжать учебу в университете, совмещая ее с работой, а бабушке с дедушкой работать.

Скорее всего, ясли я невлюбил сразу. С того момента, как я себя помню, ясли я уже ненавидел. Мои первые воспоминания с ними начинаются лет с двух. Я ненавидел там все: дневной сон, кипяченое молоко на полдник, с отвратительной пенкой, постоянный контроль со стороны воспитателей, запах кислых щей, полнейший тоталитарный режим в стенах этого богоугодного заведения. А самым страшным во всем этом была разлука с моими близкими. Каждое утро я просыпался с отвратительным настроением, предвкушая, что нужно опять идти в эти проклятые ясли, закатывал истерики, пытаюсь играть на самых чувствительных струнах моих родных. Родные прислушивались, страдали, видя мою агонию, но каждый раз отводили меня туда. Такие концерты я закатывал каждое утро, за исключением выходных дней, когда я мог набраться сил и подлечить нервы для новых утренних, будничных истерик.

Вот об одном из таких дней – я и хочу поведать... Меня, как всегда, привели в ясли ранним утром. Естественно, настроения у меня не было никакого, а, вернее, оно было отвратительное и плаксивое. В унылых чувствах прошла первая часть моего дня, пришло время дневного сна. Все дети улеглись по своим кроватям и постепенно заснули. Периодически в комнату входила воспитательница с видом надзирателя, с реденькими усиками над верхней губой и сурово приказывала тем, кто еще маялся от бессонницы: «Так, все быстренько положите ручки под голову и спать!» Я положил, как и было приказано, руки под голову. Было неудобно. В такой неестественной позе я никогда не спал, но руки все же из-под головы не вынимал, боясь кары надзирательницы. Через некоторое время она оставила нас в покое, и я уже безбоязненно мог смотреть в окно, наблюдая за радостной и свободной жизнью, которая протекала вне этого воспитательного учреждения. Из окон доносилось беззаботное щебетание воробьев, летел пух, напоминая хлопья мокрого снега. Зеленая листва купалась в ярких лучах солнечного света. Небо, которое пробивалось сквозь зелень, было ласково голубым с пухлыми, кудрявыми облачками, которые напоминали крем от пирожного. Моя душа рвалась на волю, к теплым лучам и купающимся в лужах воробьям, но организм медленно сдавался под натиском дневного сна. Мои глаза наливались свинцом, и я уже не мог держать веки в открытом состоянии. В голове сделалось как-то пусто, но уютно, мысли рассеивались. Я уснул и оказался в удивительном сне.

Там так же чирикали вездесущие воробьи, некоторые смешно плескались, нахохлившись в лужах. Отчего они делались похожими на серые, лохматые шарики. Я шел с мамой за руку за новой игрушкой в магазин «Культтовары», иногда припрыгивая и шлепая сандалиями по лужам. Мама говорила со мной почему-то бабушкиным голосом: «Вот шило в попе!» А я думал, как это шило может поместиться в моей худосочной попе, ведь оно же большое

и острое. А мама продолжала говорить бабушкиным голосом: «Не успокоишься, отдам тебя соседям на воспитание!» Я не сильно огорчился, так как мало верил в вероятность сего, но стал вести себя тише, на всякий случай, чтобы не будить в «бабемаме» зверюгу. «А то еще игрушку не купит!» – подумал я. Вот мы подходим к магазину, почему-то до него было идти неслыханно долго, поднимаемся по лестнице, открываем тяжелую и холодную дверь, и я вижу прилавок, за которым стоит толстая и неприветливая продавщица, которая почему-то уж очень похожа на нашу повариху. Я подошел к прилавку и стал рассматривать модельки автомобилей. Больше всего мне понравилась серебристая «Волга». Она была просто великолепна: у нее открывались все двери, в черном игрушечном салоне был виден руль, как у настоящего автомобиля. Капотик у нее тоже открывался, под ним находился маленький хромированный моторчик. О такой машинке я мечтал уже очень давно, наверное с месяц, как увидел ее у одного мальчика из нашего двора. Удивительным образом автомобильчик оказывается у меня в руках, я ощущаю его прохладный, гладкий, лакированный металл, ощущаю запах новой игрушки, трогаю малюсенькие каучуковые колесики. Сердце переполняет жутчайший восторг, и хочется заверещать диким голосом. Я предвкушаю множество счастливых дней, которые мы с машинкой проведем вместе, завистливые лица сверстников во дворе, которые будут угощать меня конфетами и другой разной снедью, только бы поиграть с «Волгой». Но моя «Волга» выскальзывает из рук, картинка плывет, издалека доносится крайне неприятный голос. Вдруг я опять ощущаю мягкую прохладу металла моей игрушки, но голос опять заставляет машинку исчезнуть, настроение у меня начинает портиться, неприятно ноет в груди, и хочется расплакаться. Я уже совсем отчетливо слышу голос, он совсем неприятный и очень знакомый: «Так, дети, а ну, просыпайтесь на полдник! Кто не успеет одеться к обеду, будет есть раздетым». Я окончательно проснулся и открыл глаза. Это был всего лишь сон, и «Волги» у меня нет. Я слез с кровати и стал натягивать коричневого цвета колготки, которые были растянуты на коленках и пятках до безобразия. Я в них себе напоминал балеруна, которого видел по телевизору. Он танцевал в короткой маечке, в белых, сильно облегающих колготках. Он произвел на меня тогда странное впечатление. Мне казалось то, что он делал, постыдное занятие, и вид его вызывал такие же чувства. Уж очень колготки его были облегающими.

«Ну, что ты копаешься, а ну одевайся быстрее и иди чистить зубы», – вырвал меня из моих размышлений голос усатой. Я подчинился приказу и отправился чистить зубы.

Настроение мое стало еще более отвратительным, когда я увидел накрытые для нас столы с теплым кипяченым молоком и пряниками. В топленом чуть желтоватом молоке плавала отвратительная белая пенка. Мне потихоньку становилось дурно, неприятный ком подступал к горлу. Нас рассадили за столы и заставили полдничать. От запаха теплого молока мне стало еще дурнее, я выловил ложечкой отвратительную пенку, заткнул нос и залпом осушил полстакана. На секунду мне показалось, что меня должно вот-вот вывернуть наизнанку, но я справился с подступившим рвотным позывом, вдохнул в легкие побольше воздуха, заткнул нос и выпил оставшееся молоко. Пряник я жевал уже всухомятку. Оставлять что-нибудь недоеденным и недопитым было нельзя, можно было нарваться на грубость воспитателей. Тем более что наша воспитательница была с самого утра на меня зла за то, что я вкатал жвачку одной не очень нравившейся мне девочке в волосы. Пришлось выстригать солидную прядь из ее белокурых, пушистых, курчавых, как у ангела, волос. После этого прическа ее выглядела весьма забавно, с заметной плешью среди прекрасных локонов. Жвачки у нас в городе были редкостью и настоящим деликатесом, мне их обычно покупал дед, если те были в продаже, когда мы с ним вместе ходили в хлебный магазин. Этот мятный квадратик жевательной резинки можно было разгрызть только с риском разрушения собственных молочных зубов, уж очень он был тверд. Жвачка приятно скрипела латексом на зубах, но через некоторое время начинали уставать челюсти. Ощущение было такое, что я пытаюсь разжевать автомобильную шину. Ну вот я

и решил после того, как у моей жвачки пропал сладкий вкус и устали челюсти, наказать противную девчонку таким изощренным способом.

После полдника нас выводили на прогулку. Назад нас больше не заводили, так как в следующие часа два нас всех разбирали по домам. Нашу группу вывели строем на игровую площадку на территорию яслей, которые были огорожены деревянным забором, и отпустили гулять. Лазить по железным петухам, ракетам мне не хотелось. Девчонки уже дружно расположились под навесом и стали слаженно играть в свои скучные девчачьи игры. Мальчики хаотично носились по всей прогулочной территории, создавая невероятное количество громких визжащих и кричащих бестолковых звуков. Словно они длительное время пребывали заперти и от замкнутого пространства немного помешались рассудком. «Оля, за тобой дедушка пришел», – позвала воспитательница. Ольга с радостью бросила своих осиротевших подруг и поскакала к дедушке, который поджидал ее, стоя, улыбаясь, рядом с воспитательницей. Меня почти никогда не забирали первым, и я завидовал этой Оле черной завистью. Мне так хотелось тоже проскакать радостно через всю игровую площадку и отправиться под руку с дедом восвояси. Захотелось плакать, и я принялся в одиночестве бродить вдоль забора, пиная ногами попадавшие у меня на пути палки и сучья. Вдруг я обнаружил, что в заборе не хватает одной доски, словно в ровном ряду зубов переднего зуба. Я заглянул в дыру, через нее веяло сладким запахом свободы. Я видел свой дом, рядом с которым и располагались мои ясли. В нашем дворе мирно покачивались старые тополя, под их кронами двор казался защищенным и очень уютным. Стояла лошадь с тележкой, грузчики разгружали товар, привезенный в магазин, который находился на первом этаже нашего дома. Кляча стояла, равнодушно глядя вниз, подергивала грязным хвостом. Это животное как-то раз больно укусило меня, когда я решил угостить его яблоком. Эти огромные желтые зубы мне остро въелись в память вместе с физической болью. После этого лошадь я больше не кормил и даже побаивался. Я оглянулся назад. Оказывается, прогуливаясь в одиночестве вдоль забора, я зашел за здание яслей, откуда не был виден ни детям, ни воспитательнице. Посмотрел снова в прорезь в заборе и понял: это шанс! Просунул ногу в дыру, протиснул полтуловища, потом голову – и вот я весь уже был на свободе. Горло и грудь сжимало от переполнявшего чувства опасности, захотелось бежать со всех ног что есть мочи. И я побежал! Я бежал изо всех сил, мои сандалии готовы были слететь с ног. Я пересек двор со скоростью ветра. Соседки при виде меня перестали болтать и устали на меня с нескрываемым удивлением. Делая вид, что я их не замечаю, быстро юркнул в подъезд и пулей поднялся на второй этаж. Мое сердце колотилось от возбуждения, стремясь выскочить из груди. Не в силах больше справляться с переполнявшими меня чувствами, я разрыдался. Утирая слезы грязной ладонью и оставляя на лице темные дорожки, я нажал на звонок. Я стоял, плакал и ждал, что вот-вот дверь откроется, и дед будет удивлен, но очень рад меня видеть. Но никто не открывал, тогда я стал стучать в дверь руками. «Деда, открой, это я, твой внук Никита», – звал я. За дверью было тихо. «Дедуля, миленький, открой, это я», – позвал я еще раз в надежде достучаться до деда. Дверь не открывалась, за ней была мертвецкая тишина, которая была нарушена далекими шагами в подъезде. Кто-то поднимался вверх по лестнице. Я стоял лицом к закрытой двери, беспомощно глядя снизу вверх на дверную ручку. По щекам текли слезы градом, неприятно щекоча их, а тем временем шаги становились все ближе и ближе.

Я слышал, как они неумолимо приближались к нашему пролету. «Никит, а почему ты не в яслях? Как же это ты так ушел? Один, что ли?» – послышался голос соседки. Видимо, она решила проследовать за мной. Голос ее звучал удивленно и даже приветливо. Я стоял, не поворачиваясь, и продолжал плакать. Она подошла ко мне и осторожно повернула, взяв за плечо. «Чего ты тут делаешь, а?» – поинтересовалась она. «Я к деду хочу», – сквозь слезы пробормотал я. «Так ведь он же на шахте, в дневную смену сегодня. Его нет дома».

Дед работал на шахте иногда в ночную смену, тогда он днем был дома, и я это знал.

От отчаяния я стал реветь еще сильнее. Мне ведь так хотелось домой, невозможно было представить, что придется сейчас возвращаться снова в ясли. Тем более я уже себе успел надумать совершенно другую картину. «Пойдем, я отведу тебя назад», – она взяла меня за руку и повела за собой. Я не сопротивлялся, понимая, что это бесполезно, что обречен. Мы вышли из родного, темного, прохладного и полусырого подъезда и направились в сторону яслей. «Тебя скоро заберут, чего ты плачешь? А в ясельках хорошо! С детишками поиграешь. Как же ты это так умудрился удрать?» – ласково тараторила соседка.

А я плелся рядом с ней и продолжал реветь.

Опята или любовь на мусорке

Наши дома были окружены небольшим лесом, где мы и проводили большую часть своего времени. Как-то раз со Славиком в самом начале сентября мы отправились за опятами. Про их существование мы узнали из какого-то школьного рассказа, который мы читали на уроке на днях. Видеть мы их не видели, но из рассказа почерпнули, что они растут кустиками на пнях (картинка этих грибов в книжке тоже имелаась). На ней грибы были коричнево-желтенькие, все с кривыми ножками и с юбочками возле шляпки. Росли они на гнилом сером пне, окруженном осенней травой и желтыми листьями, именно кустиками. Не знаю, что в этом рассказе или картинке нас так могло заинтересовать, но за опятами мы твердо решили отправиться. Встретились мы с другом у меня во дворе, как заранее и договаривались, у каждого было по целлофановому пакету и перочинному ножу. По дороге Славик рассказывал мне про книгу, которую он недавно прочитал, при этом деловито поправлял указательным пальцем левой руки очки на переносице, которые у него периодически съезжали на нос. В такие минуты я начинал его ненавидеть, мысленно пред глазами вставала моя мама и корила меня за то, что я не такой как Славик и читаю только из-под палки. Она мне его всегда ставила в пример за его любовь к чтению, а для меня это занятие было мукой несносной. Я его не особо слушал, страдая от мучивших меня угрызений совести, а Славик мне рассказывал о фашистах, партизанах, о каких-то героях и предателях. Я ждал, когда же он прекратит это интеллектуальное издевательство. Хотя занудой Славик не был совершенно. Он был моим лучшим другом. Вот только эта его отвратительная, отталкивающая любовь к книгам! К моей великой радости, Славик не стал углубляться в подробности прочитанного им произведения, так как мы оказались уже в лесу, и нужно было сконцентрироваться на поиске пней с грибами на кривых ножках в юбках. Побродив немного, мы нашли немного сыроежек и старый руль от грузовика. Сыроежки отправились в пакеты, а руль мы решили поджечь и устроить муравьям в муравейнике «дымовуху». Мы всегда с собой таскали спички на всякий случай: костерок разжечь, устроить бомбежку муравьям, капающим горящим целлофаном, поджечь тополиный пух... Да мало ли что можно было сжечь или сделать приятного при помощи спичек. Вот и в этот раз они у меня, конечно же, оказались в кармане! К сожалению, руль никак не хотел загораться, и мы оставили эту затею на счастье муравьям, зашвырнув противный руль подальше, проследив за его полетом глазами. Вдруг на месте приземления руля я заметил пенек, и на нем росли желтенькие кривенькие грибочки, как и было показано на картинке. «Славик, посмотри, вроде опята», – обрадовался я, подбежав ко пню. Славик опять поправил указательным пальцем очки и подошел поближе, присел на корточки возле пня и, прищурясь, словно крот, стал внимательно разглядывать пенек. «Славик, это же вроде они?» – поинтересовался я опять. «Да, вроде, они», – ответил он, очевидно, мысленно сравнивая увиденное с картинкой. Даже травка была такой же пожухлой и листики вокруг такие же желтенькие, как на картинке в учебнике. Обрадовавшись, мы стали руками ломать опята за ножки, как это и было описано, только почему-то характерного хруста не было, но особого значения мы этому не придали и с радостью совали грибы в пакеты. Ободрав все грибы с пня, мы отправились дальше. Под ногами приятно шелестели опавшие разноцветные листья, пахло прелостью. Сквозь кроны деревьев и туман пробивалось мутное, уставшее сентябрьское солнце, лучи которого еще слабо, но грели. В лесу не было слышно щебета птиц, было совершенно тихо, лишь наши шаги нарушали звонкую тишину. Я рассказал Славике анекдот про зайца, который, видя в туалете круглую дырку, вспомнил песенку со словами «встаньте, дети, встаньте в круг», встал в круг и провалился. Мы вместе поохотились над придурковатым зайцем. Пройдя еще с пару шагов, мы опять наткнулись на опята. Дружные семейки стояли, тесно скупившись на корнях старого дерева. Славик, одурев от счастья, стал судорожно срывать их с корня и запихивать к себе в пакет, я последовал его

примеру. Таким образом наши целлофановые пакеты заполнились наполовину, а корни дерева осиротели, оставшись только кое-где с обломанными ножками от опят. Довольные, мы отправились обшаривать лес в поисках заветных пней и корней дальше. Нам подалось множество разноцветных сыроежек, кое-где в траве прятались одинокие подберезовики, но опят больше не было. Побродив еще по лесу около получаса и решив, что грибов у нас уже достаточно, мы решили возвращаться в сторону дома. Слава чуть было опять не начал рассказывать о каком-то прочитанном им произведении, но я вовремя прервал его, переведя тему разговора в другое русло. У меня от голода урчало в животе, о чем я сообщил моему другу. «А ты попробуй съесть сыроежку, ее же можно сырой есть!» – предложил он совершенно серьезно. Я достал из пакета одну синенькую сыроежку с белой упругой ножкой и понюхал ее. Она пахла приятно сыростью и лесом. Я отломил один белоснежный лепесток бахромы под шляпкой и положил себе в рот. «Да чего ты боишься? Лопай смело, говорят же тебе, ее можно и сырой». С этими словами он отобрал у меня гриб, отщипнул от него кусок и положил себе в рот. Я смотрел, как Слава со знанием дела его медленно и тщательно пережевывает. Глаза у него были совершенно спокойны, а лицо невозмутимо. «Слушай, а глисты не заведутся? Ведь он же грязный», – поинтересовался я. «Глисты в глесте не заводятся», – ответил он, намекая на мое стройное телосложение. Я не обиделся, забрал у него обкромсанную сыроежку назад и откусил от нее немножко. Вкус был пресным, немного каким-то сыроватым, на зубах захрустел песок. Я проглотил. «Ну и как?» «Никак, – ответил я, – безвкусная какая-то». «Ее бы с черным хлебом и с солью, тогда было бы другое дело». «Ага, с солью не то что сыроежку, но и кашку съесть можно», пробурчал я и отшвырнул гриб в сторону. «А ты знаешь, во время войны партизаны иногда так и питались в лесах, когда есть ничего другого не было», – задумчиво, с умным видом, продекламировал он. «Вычитал опять где-то, умник», – подумал я про себя и промолчал. Где-то вдалеке мы услышали голоса мальчишек. Между деревьями мы увидели силуэты, их было четверо. Так как всех ребят в округе мы знали, то решили отправиться им навстречу. Ребята нас тоже заметили, кто-то свистнул и заорал: «Эй, пацаны!» Кто-то замахал рукой. Подойдя, мы поинтересовались, что они тут делают. «Да решили шалаш построить где-нибудь, а то во дворе никого и делать нефиг!» – заявил Самсон. Это была его фамилия, но звали его всегда именно Самсоном. Так как звучала она необычно, то и клички ему никто не придумывал, как это обычно бывает во дворах. «А чего это вы там собирали?» – указывая на наши пакеты, спросил Игорь. Он был маленького роста, очень щуплого телосложения, смуглый, с тонкими чертами лица, но очень быстрый и сильный, умел подтягиваться более 20 раз. Во дворе среди ровесников он пользовался уважением. «За опятами ходили», – ответил я и открыл пакет, чтобы похвастаться количеством собранных грибов. Он заглянул в пакет, и глаза его приняли изумленно-удивленный вид. «Так это же ложные опята, какого фига вы их собирали!» Славик удивленно открыл пакет и заглянул внутрь. «С чего ты взял, что они ложные?!» – спросил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.